

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В МОРФОЛОГИИ (на примере темпоральных форм)

Р. Р. Сабитова (Казань)

Согласно справедливому замечанию В. М. Маркова, «грамматическая и лексическая системы обнаруживают в своем развитии многие точки соприкосновения, многие черты исторически обусловленного сходства, что в процессе осмысления языкового материала допускает установление целого ряда показательных аналогий» [8, с. 117]. Поэтому семантическая деривация в морфологии, как и в лексике, происходит за счет изменения т о л ь к о семантики формы без изменения ее морфемного состава. Как и в сфере семантического словообразования, при котором слово включается в иной лексический разряд, что ведет к образованию лексических омонимов, в сфере семантического формообразования грамматическая форма включается в иной грамматический разряд, что приводит к образованию грамматических омонимов [10, с. 14].

Процесс семантической деривации в морфологии завершается не только созданием результативной единицы (грамматической формы), но и возникновением деривационных отношений между исходной и производной грамматическими формами. Он может быть описан путем реконструкции деривационной истории, т. е. восстановления процесса образования одной грамматической формы на базе другой. Семантическое формообразование осуществляется по особым семантическим моделям и представляет собой типовое явление. К семантическим средствам формообразования, как и к морфологическим, вполне применим критерий продуктивности/непродуктивности [5, с. 39].

От своих производящих формы семантического образования отличаются стилистической маркированностью, функционируя преимущественно в художественной речи и в разговорном языке и отличаясь от своих грамматических синонимов большей экспрессивной насыщенностью. Приведем в качестве иллюстрации примеры семантического образования темпоральных форм в современном русском языке:

1. формы прошедшего времени, образованные на базе

- 1.1. настоящего времени: *Иду я вчера по улице Мира...* (прошедшее действие представлено как одновременный моменту речи процесс);
- 1.2. будущего времени: *Придет, молча сидит напротив – я его даже немного боялась; Странно он себя вел: из дому не выходил, никого не приглашал, вечно в окно смотрел. Целый день на подоконнике будет висеть, прохожих разглядывать* (постоянное в прошлом действие)

представлено и синтетической, и аналитической формами как ожидаемо постоянное и в дальнейшем);

1.3. императива: *Людмила и Ляни сдуру, что отец уехал* (прошедшее действие представлено как неожиданное для его субъекта и даже внешнее ему);

2. формы настоящего времени, образованные на базе

2.1. прошедшего времени: *А я живу с мамой. Встал – вкусный завтрак уже на столе* (не законченную к моменту речи серию эпизодов представляет один из них – завершённый);

2.2. будущего времени: *Живет рядом, а зайдет раз в год* (значение исходной формы трансформируется, проявляясь как модальный оттенок готовности к осуществлению действия);

3. формы будущего времени, образованные на базе

3.1. прошедшего времени: *Если он не вернется завтра, мы пропали* (будущее действие представлено в качестве уже совершившегося);

3.2. настоящего времени: *Завтра еду в Самару* (будущее действие представлено как процесс, совпадающий с моментом речи).

Отметим, что первым из отечественных лингвистов признал возможность появления нового грамматического значения на базе существующих без изменения структуры исходной грамматической формы А. А.Потебня, сразу же указавший на параллелизм семантических процессов в лексике и морфологии. Ученый писал, что «многозначность форм» как явление «вполне аналогично с тем, когда слово, понимаемое в смысле звуковой единицы (т. е. отвлекаясь от значения), имеет много реальных значений... Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями» [11, с. 96].

Однако русская грамматическая традиция знает и другие трактовки омонимии грамматических форм. Так, К. С. Аксаков в своем сочинении «О русских глаголах» на основании того, что формы времени от собственно времени не зависят (морфологически не выражены, выявляются только в контексте – они «суть дело употребления»), следовательно, представляют категорию психологическую и синтаксическую, пришел к выводу об отсутствии форм времени в русском языке [1, с. 414]. Вслед за К. С. Аксаковым отрицал наличие постоянных форм времени в русском глаголе Н. П. Некрасов – также на основании способности любой русской глагольной формы выражать самые разные временные значения. Подчеркивалась субъективность категории времени: «...русский язык осмыслил время как нечто постороннее для действия, как внешнее (по отношению к действию) условие, под влиянием которого скорее найдется лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие» [9, с. 133].

В современной науке использование одной грамматической формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду – чаще всего квалифи-

цируется как транспозиция и изучается посредством функционально-семантического сопоставления исходной грамматической формы (транспонируемого) и результата транспозиции (транспозита).

Примечательно, что понимание транспозиции как синтаксического использования формы, связанное, на наш взгляд, с тем, что в роли средства транспозиции (транспозитора) выступает контекстуальное окружение транспонируемой формы [5, с. 26], в последние десятилетия сменяется трактовкой транспозиции как явления морфологического порядка.

Так, по мнению А. В. Бондарко, при транспозиции грамматическое значение формы вступает в противоречие со значением контекста. Переносное употребление, по мнению ученого, охватывается общим значением данной формы, так как при транспозиции грамматическое значение формы сохраняется, проявляясь в том или ином варианте (например, при употреблении формы настоящего времени в значении прошедшего действия изображаются так, как будто они происходят в настоящем). Однако «столкновение с противоречащим ему значением контекста приводит к тому, что грамматическое значение формы выступает в условиях транспозиции как значение переносное, метафорическое (т. е. общее значение выступает в переносном частном варианте). Так, при переносном употреблении времен и контекст, и временная форма соотносят глагольное действие во времени с действительностью, однако одно из временных отношений (то, которое передается контекстом) является реальным, а другое (обозначаемое глагольной формой) – образным, метафорическим» [2, с. 94–96]. Тем не менее, все эти справедливые высказывания А.В.Бондарко не решают важной проблемы грамматического статуса транспозитов.

По мнению Е. Н. Ремчуковой, «Явление морфологической транспозиции необходимо рассматривать не изолированно, а в комплексе с другими типами грамматического варьирования (конкуренцией и нейтрализацией) в рамках общей проблемы изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц» [12, с. 79]. Однако в а р ь и р о в а т ь с я , а значит – вступать в синонимические отношения могут только единицы одного порядка, то есть грамматические формы. Следовательно, так называемые транспозиты (в нашей терминологии – семантические дериваты) невозможно трактовать иначе как новые грамматические формы. Признание же возможности появления нового грамматического значения без одновременного возникновения новой грамматической формы (хотя бы и омонимичной другим формам) противоречило бы принципу единства значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних языковых единиц, являющемуся необходимым признаком любой грамматической категории.

Основной причиной того, что лингвисты считают формы семантического образования самостоятельными, внепарадигматичными, является отсутствие их системно-парадигматической оценки. Однако, как справедливо отмечает Г.А.Николаев, подобные формы и не должны входить в парадигмы, сложившиеся из морфемных образований, они должны составлять отдельные парадигмы форм, состоящие из семантических дериватов [10, с. 17].

Как известно, морфологическая парадигма традиционно изображается в виде таблицы форм, устанавливающей соответствие записанных в ее левой части грамматических значений обозначенным в ее правой части средствам их выражения (флексиям или другим формантам). Она отражает реализацию грамматических категорий, характеризующих:

- наличием стабильной инвариантной части (формообразующей основы), выражающей идею тождества лексемы во всех ее видоизменениях;
- фиксацией конечного перечня грамматических значений и их комбинаторики, а значит – наличием в парадигме точно определенного числа позиций, что и делает парадигму закрытым классом форм;
- однозначным соответствием позиции и связанного с ней форманта.

Структура парадигмы определяется инвентарем грамматических категорий, характеризующих части речи и взаимосвязи их грамматических значений [6, с. 366]. Сказанное справедливо как для морфологического, так и для семантического способов формообразования. Однако формы семантического образования выступают по отношению к формам морфологического как вторичные. Поскольку семантическая деривация в морфологии исключает изменение морфемного состава производящей формы, производная форма омонимична производящей. Следовательно, формальный подход к парадигме, требующий, во-первых, однородности морфологического строения словоформ, во-вторых – отсутствия омонимичных словоформ в других парадигмах, исключается. Целесообразным представляется функциональный подход, предполагающий всего два минимальных требования к включаемым в парадигму словоформам: 1) словоформы должны регулярно образовываться от лексем, которые по своей семантике допускают их образование; 2) словоформы должны опознаваться в контексте как формы, имеющие данное грамматическое значение.

Таким образом, темпоральными формами семантического образования являются все регулярные изменения глагольного слова, выражающие временные значения. При построении парадигмы указанных форм необходимо учитывать, что формальной неоднородности строения производных форм соответствует семантическая неоднородность производящих. Следовательно, семантические производные форм настоящего и будущего времени (имеется в виду синтетическая форма совершенного вида) противопоставлены по лицу и числу, а прошедшего – по роду и числу. В семантическом образовании темпоральных форм на базе императива участвуют только императивные формы 2-го лица единственного числа совершенного и несовершенного видов, поэтому для производных императива характерно совпадение всех лично-числовых форм.

Учет различий в производящих базах словоформ способствует и установлению исторических процессов, которые формируют темпоральную парадигму, функционирующую в синхронии как единое целое. Так, например, в русском языке XI-XVII веков формы прошедшего времени могли быть образованы на базе инфинитива: *И се бяше тогда: попове бо не можаху проводити по единому из дворовъ, за множество умирающих не оупевати бо, но веляше комуждо*

своя мертвья на церьковный двор возити I Псковская летопись, 1325 г.; *Темирь ...ныне же пакы убоися и устраиися зело ... и объять и страх и трепет, и мнети ему, яко некоему многу въинству грядущу на нь от Русскыя земли* Московская летопись, 1395; *и бысть скорбь и туга христьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданье по улицам...* I Новгородская летопись, 1445 г.; *И приближихомся ко острову, яко уже нам и брег видети* Житие Савватия и Зосимы Соловецких, середина XVI в.; *Не токмо же русские земли народом и всему миру плакати, но и иноземцем и Немецкому воеводе Якову Пунтусову* Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского, XVII в.; *И симъ земли всей великъ расколь сотвори и усомневатися всемъ въ мыслехъ своихъ о бываемомъ* Временник дьяка Ивана Тимофеева; *И бысть при царе Василии Ивановиче ...война съ поляки велія, мало государству не опустети* «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина. Субъект прошедшего действия, обусловленного объективным стечением обстоятельств (таково основное, наиболее общее значение подобных форм), назывался именем (реже – местоимением) в дательном падеже. На число исполнителей действия указывала соответствующая форма данного номинатива. Утрата претеритарным инфинитивом продуктивности, связанная, как известно, с несоответствием установившейся модальности независимого предикативного инфинитива (долженствование), обусловила его отсутствие в претеритарной парадигме современного русского языка.

Разумеется, при изучении семантического образования темпоральных форм в русском языке той или иной эпохи следует исходить из принципа неразрывности синхронного и диахронного подходов к исследованию языковых фактов. Синхронное рассмотрение языка предшествует диахроническому (всегда связанному с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий в языковой системе), диахронические объяснения способствуют познанию особенностей функционирования языка в синхронии.

Исследование семантического образования форм времени закономерно является частью работы по изучению семантической деривации в морфологии, расширяющей номинативные возможности языка и пополняющей арсенал его грамматических синонимов. Изучение семантического формообразования в его параллелизме семантическому словообразованию и морфологическому формообразованию позволяет дать системно-парадигматическую квалификацию семантических дериватов. Это не только способствует созданию теоретических основ морфологии и уточнению таких понятий, как грамматическая форма, грамматическое значение, парадигма, но и создает реальную основу для решения проблемы эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц.

Литература:

1. АКСАКОВ К. С.: Сочинения филологические. – Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во тип. Бахметева, 1875, 667 с.
2. БОНДАРКО А. В.: Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971, 115 с.
3. БОНДАРКО А. В.: Некоторые особенности переносного употребления времен глагола. // Русский язык в школе. – М., 1965, № 5. С. 79–83.
4. БОНДАРКО А. В., Буланин Л. Л.: Русский глагол. – Л.: Просвещение, 1967, 192 с.
5. ВИНОГРАДОВ В. В.: Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд. испр., М.: Высшая школа, 1986, 640 с.
6. КУБРЯКОВА Е. С.: Парадигма. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990, С. 366.
7. ЛОПАТИН В. В.: Грамматическая категория. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 115–116.
8. МАРКОВ В. М.: О семантическом способе словообразования в русском языке. // В. М. Марков. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. С. 135–142.
9. НЕКРАСОВ Н. П.: О значении форм русского глагола. – СПб.: Изд-во тип. и лит. И. Паульсона и К*, 1865, 314 с.
10. НИКОЛАЕВ Г. А.: Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. – Казань: КГУ, 1987, 152 с.
11. ПОТЕБНЯ А. А.: Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. – М.-Л.: АН СССР, 1941, 320 с.
12. РЕМЧУКОВА Е. Н.: Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы. // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. С. 79–90.